

Железный комиссар и поводырь в прозе Леонида Леонова

© В. И. МАТУШКИНА,
кандидат филологических наук

Многострадальные пути России – болевые темы всей русской культуры и литературы, в частности.

Кто достоин быть впереди идущим, кто выведет стихийную массу к “солнечному свету”, в мир гармонии, где все услышат друг друга, когда человек отзовется на горе другого по зову сердца, а не по зову голоса?

В романах двадцатых годов был представлен тип руководителя с установкой на требования эпохи: личность активная, всецело преданная революционным идеалам, для которой, по выражению леоновского героя – *железного* большевика Увадьева в романе “Соть”, важны не люди, а цифры. “Ты слушай не стоны, а цифры!” – советует он инженеру Бурого [1].

В повести “Петушихинский пролом” изгнанный мужиками за воровство Талаган вдруг предстает перед ними в образе *товарища Устина, большака*. Устроитель новой жизни достигает власти ценой кровопролития. Что же несут жизни такие энтузиасты? – Ту же смерть всему живому: умирают пчелы Савосьяновы, умирает и их хозяин вместе со своим другом Федором. И слышится обобщенное повествователя: “Лежали старички на палатах без бабьих охов, тихонькие, сурьезные, мором сваленные, на лесосеке людской” (Т. 1. С. 215). Но страшна и судьба самого товарища Устина, о котором один из мужиков говорит: “Талагашка-то тоже добровольцем удрал. Кровью человек исходит, – куда ему!” (Т. 1. С. 208). Покидает пропитанную кровью “лесосеку людскую” и св. Пафнутий, оставив Савосьяну только пустую доску. И какая неизбывная боль слышится в плаче старика об исчезнувшем с доски св. Пафнутии: “Как же ты ушел от меня, в такую-то лукавую минуту! Возмог как?” (Т. 1. С. 211). “Уход” святого усугубляет состояние старика и приводит его к смерти.

Только Божий Промысел может вдохнуть живую душу в человека для благих дел, личные же порывы вне сакральных истин бесплодны и наказуемы. Это не только физическая смерть. Страшнее муки духовные. И герои Леонова проходят через эти испытания. Драматична судьба Павла, он же товарищ Антон, в эпилоге романа “Барсуки”, отразившем трагедию человека, трагедию России в переломную эпоху борьбы за воображаемую справедливость.

Еще до словесного поединка своих героев автор вычленил две знаковые портретные детали взаимоисключающего смысла. Какими предстали друг перед другом Семен и Павел после долгой разлуки? Оба руководителя: Семен – мужиков-барсуков, большевик Павел – комиссар карательного отряда.

“Не поднимаясь с места, в расстегнутом кителе и чуть на бочок склоняя голову, хозяин [Павел] шурко смотрел на *босые ноги* брата, а тот – на *два главных ордена республики*, чуть свисавшие с кармана на груди” [2] (Курсив здесь и далее наш. – В.М.). Две детали-антитезы выводят противостояние братьев на уровень эпохальный, контрастно демонстрирующий, что стоимость человека теперь определяют не его человеческие качества, но приверженность и преданность жестким, жестоким, бесчеловечным мерам. Символическая антитеза *босые ноги – два главных ордена республики* – расшифровывается авторской конкретизацией: сообщением об обреченности пяти деревень, руководящая карательная роль в судьбе которых была отведена Павлу: “Всю первую половину оставшегося дня в ожидании встречи *железный комиссар* провел безвыходно из опорного пункта на вершине холма, с мощным биноклем в руке, всматриваясь в неохватное, казалось бы, и все сжимающееся как петля пространство пяти обреченных деревень, – взглядом соучастия, подгонял бегущую толпу обезумевшей контры в тесную овражистую *западню* для скоростного и потому гуманного *умерщвления*” [2].

Трагическая судьба огромного количества невинных жертв воспроизводится через видение *железного комиссара*. Масштаб предстоящего злодеяния передан одним пространственным эпитетом *неохватное*. Ощущение трагедии усиливается нагнетанием различных поэтических средств: антитезой *железный комиссар – пять обреченных деревень*, впечатление ужаса вызывает сравнение пространства между деревнями со *сжимающейся петлей*.

Создается метонимический образ обреченной на растерзание, *умерщвление* многострадальной России.

В эпилоге романа Павел, превращенный в Антона, оказывается в *западне* не менее трагической и безвыходной, чем те, кто ее готовил. К тому же слово-образ *западня* дважды повторяется в заключительной части романа. *Западня* объединяет жертв красного террора и вершащих его. Писатель напоминает: перед Богом все равны, за преступлением последует наказание. Наказание Павлу – страшные душевные муки: “Не оставалось минуты для колебания, куда и как, любой ценой, бежать из *западни* напропалую от оравы призраков, которые гонятся за ним в его метаниях по главным пожарищам России, от поганой славы, подобной чугунному ядру на ноге, от багровой эпохи и, значит, от себя” [2].

Значение слова *западня* (ловушка для зверей, птиц) расширяется, переосмысливается в эпоху социально-политических потрясений.

Леонов нашел емкий художественный образ для осуждения большевистского террора, “свернутый” в одно многозначное понятие *западня*.

Знаменательно, что Архимандрит Лазарь, размышляя о грехе и покаянии последних времен, о тайных недугах души, также говорит о “духовных *западнях* современности” [3]. Образ *западни* неотступно следует за движением леоновской мысли о деяниях людских от произведения к произведению. Он появляется уже на первой странице романа “Вор” при описании чувств Николки Заварихина, окунувшегося в суетную стихию столицы, где люди совершали, как и он сам, “ту же уйму бесполезных движений”. Этот “крепьш из глубинной губернии” “презирал их как судороги ненужного, недолговечного существа... Тем не менее всякий раз по приезде в город покоряла его *торжествующая и гибельная краса* и тогда всем телом под этими чарами ощущал он настороженную на него *западню*” (Т. 3. С. 15).

Западня заманивает в свои тенеты всех оставивших Бога или оставленных им. По словам Ю. Сазоновой, “земля без Бога есть обитель смерти” [4]. У Леонова подобная богооставленность земного бытия именуется *западней*. К такому заключению приходит писатель в романе “Пирамида”, когда выносит в заглавие третьей части этот мировоззренческой значимости образ.

Но есть ли избавление от “скорби земной”? Взволнованно-романтическая тональность слышится в словах Леонова, когда он говорит о радости обретения Бога: “Как цветы и дети, книги и мысли есть тот же сгущенный солнечный свет – только после тщательной перегонки. И самый чистый, самый конечный продукт на этом пути – безмысленная радость о Боге” [4].

В последней главе “Петушихинского пролома” ночью отрок Алеша “улышал гудочек. Открыл глаза Алеша и взглянул в вышину над собой. Увидел: в беззвездной, страшной вышине – Егорий на коне” (Т. 1. С. 217). И является святой леоновскому герою в годину лихолетья и духовного смятенья. “Видно, и впрямь мертвыми телами обозначен путь наш к светлым небесам!” (Т. 1. С. 212) – раздается обреченно-безнадежный возглас повествователя от лица всех страждущих. В этом всеобщем хаосе только двое слышат друг друга – отрок Алеша и св. Егорий с искаженным мукой черным лицом.

“Крикнул тут Егорий:

– Веди их, Алеша Хараблёв... Пускай сами узнают... Прямиком веди. Дорогу помнишь?

Ответил Алеша громово:

– Знаю.

И пошел впереди. И будто горы вместе с ним шли. Ты ли, ты ли, Алеша *милый, волчьего стада* безвестный *поводырь?*..” (Т. 1. С. 217).

Такие поэтические фигуры, как амплификация (повторяющийся союз *и* усилительного смысла; дважды повторенное *ты ли*, вызывающее

интонацию благословенного удивления), эпитеты антонимического и метонимического характера (*милый* Алеша – *волчье стадо*, т.е. люди, утратившие в себе Бога) усиливают эмоциональное звучание идеи о соотношении божественного и безбожного в нашем мире.

Глубокая христианская идея звучит в данном диалоге: истинно святое там, в горних высотах, *поводыри* благословляются свыше.

Критикой давно замечена перекличка имен в поэтической системе Леонида Леонова, причем не только в одном произведении (вспомним Калину Глухова и мальчика Калинку в романе “Русский лес”), но и во всем творчестве писателя, что помогает прояснению главных координат его художественного мировоззрения. Отрок Алеша из повести 1922 года “Петушихинский пролом” снова появляется, уже повзрослевшим, в “Пирамиде”, романе о тридцатых годах. Автор изображает его горбуном, физически неполноценным, но духовно здоровым человеком.

В леоновской поэтике выстраивается образная система *поводырь – вожатый*. А.М. Михайлов обратил внимание на многогранную соотнесенность “Пирамиды” с крупнейшими явлениями мировой литературы, отметив, что в романе «довольно отчетливо проступает и блок “Божественной комедии” Данте. Не случайно автор “Пирамиды” называет Никанора Шамина то своим “поводырем <...> в грядущее”, то “вожатым” по кругам современной жизни, – аналогично тому, как поэт Вергилий служил провожатым для Данте» [5].

Литература

1. Леонов Леонид. Конец мелкого человека // Собр. Соч.: В 10 т. М., 1969. Т. 4. С. 96. Далее ссылки даются в тексте с указанием номера тома и страницы.
2. Леонов Леонид. Возвращаясь к прожитому. Эпилог к роману “Барсуки” // Слово. 1994. № 11–12. С. 1–2.
3. Архимандрит Лазарь. Грех и покаяние последних времен. О тайных недугах души. М., 2003. С. 75.
4. Цит. по: Леонова Наталья. Спорил ли Леонов с Достоевским? // Москва. Август. 2004. С. 198.
5. Михайлов А. М. Литературные блоки романа “Пирамида”. Роман Л. Леонова “Пирамида”. Проблема мирооправдания. СПб., 2004. С. 333.